

Литературное чтение. 2 класс.

Учитель:
Мельникова
Валентина
Алексеевна

Тема урока: Б. Житков «Храбрый утёнок»

- Борис Степанович Житков

Родился: 11 сентября 1882 г., в Новгороде в интеллигентной семье. Мать будущего писателя, Татьяна Павловна, была пианисткой, училась у самого Антона Григорьевича Рубинштейна. Отец, Степан Васильевич, преподавал математику в новгородской учительской семинарии, писал учебники. Три его брата были военными моряками.

Умер: 19 октября 1938 г.

БОРИС СТЕПАНОВИЧ ЖИТКОВ

(1882—1938)

Моряк, химик, инженер, фотограф, плотник, слесарь, учитель, водолаз, пилот, музыкант, преподаватель математики, пожарный, дрессировщик... Это неполный перечень профессий, которыми Житков владел в совершенстве.

Только на сорок втором году жизни он стал писать книги. В голодное тяжёлое время Житков остался без работы и без денег; даже за трамвайный билет нечем было заплатить.

Решил он посоветоваться с бывшим одноклассником, которого когда-то в детстве учил плаванию, гребле, французскому языку, ловле тарантулов и многому другому. Этим другом был Корней Чуковский. Придя в гости, Житков стал рассказывать детям хозяина интересные случаи из своей морской жизни. Те слушали его восторженно. Это заметил Корней Иванович и предложил другу написать книжку об этих приключениях. Так появились морские рассказы и рассказы о животных. Всего за четырнадцать с

Михаил Зощенко
Саша Чёрный
Борис Житков

ОБЕЗЬЯНЫ ПРОДЕЛКИ

Мангуста

Я очень хотел, чтобы у меня была настоящая, живая мангуста. Своя собственная. И я решил: когда наш пароход придет на остров Цейлон, я куплю себе мангусту и отдам все деньги, сколько ни спросят. И вот наш пароход у острова Цейлона. Я хотел скорее бежать на берег, скорее найти, где они продаются, эти зверьки. И вдруг к нам на пароход приходит черный человек (тамошние люди все черные), и все товарищи обступили его, толпятся, смеются, шумят. И кто-то крикнул: «Мангусты!» Я бросился, всех растолкал и вижу: у черного человека в руках клетка, а в ней серые зверьки. Я так боялся, чтобы кто-нибудь не перехватил, что закричал прямо в лицо этому человеку:

– Сколько?

Он даже испугался сначала, так я крикнул. Потом понял, показал три пальца и сунул мне в руки клетку. Значит, всего три рубля, с клеткой вместе, и не одна, а две мангусты! Я сейчас же расплатился и перевел дух: я совсем запыхался от радости. Так обрадовался, что забыл спросить этого черного человека, чем кормить мангуст, ручные они или дикие. А вдруг они кусаются? Я спохватился, побежал за человеком, но его уже и след простыл. Я решил сам узнать, кусаются мангусты или нет. Я просунул палец через прутья клетки. И просунуть-то не успел, как уж слышу – готово: мой палец схватили. Схватили маленькие лапки, цепкие, с коготками. Быстро-быстро кусает меня мангуста за палец. Но совсем не больно – это она нарочно, так – играет. А другая забилась в угол клетки и глядит искоса черным блестящим глазом.

Мне скорее захотелось взять на руки, погладить эту, что кусает для шутки. И только я приоткрыл клетку, эта самая мангуста – юрк! – и уж побежала по каюте. Она суежилась, бегала по полу, все нюхала и крякала: кррык! кррык! – как будто ворона. Я хотел ее поймать, нагнулся, протянул руку, и вмиг мангуста мелькнула мимо моей руки, и уже в рукаве. Я поднял руку – и готово: мангуста уж за пазухой. Она выглянула из-за пазухи, крякнула весело и снова спряталась. И вот слышу – она уже под мышкой, пробирается в другой рукав и выскочила из другого рукава на волю. Я хотел ее погладить, и только поднес руку, как вдруг мангуста подскочила вверх сразу на всех четырех лапах, как будто под каждой лапой пружинка. Я даже руку отдернул, будто от выстрела. А мангуста снизу глянула на меня веселыми глазками и снова: кррык! И смотрю – уж сама на колени ко мне взобралась и тут свои фокусы показывает: то свернется, то вмиг расправится, то хвост трубой, то вдруг голову просунет меж задних ног. Она так ласково, так весело со мной играла, а тут вдруг постучали в каюту и вызвали меня на

Надо было погрузить на палубу штук пятнадцать огромных стволов каких-то индийских деревьев. Они были корявые, с обломанными сучьями, дуплистые, толщенные, в коре, – как были из лесу. Но с отпиленного конца видно было, какие они внутри красивые – розовые, красные, совсем черные! Мы клали их горкой на палубу и накрепко укручивали цепями, чтобы в море не разболталось. Я работал и все думал: «Что там мои мангусты? Ведь я им ничего поесть не оставил». Я спрашивал черных грузчиков, тамошних людей, что пришли с берега, не знают ли они, чем кормить мангусту, но они ничего не понимали и только улыбались. А наши говорили: – Давай что попало, она сама разберет, что ей надо.